

Содержание

От автора	7
Пролог	10
Глава первая	13
Глава вторая	27
Глава третья	46
Глава четвертая	63
Глава пятая	74
Глава шестая	83
Глава седьмая	96
Глава восьмая	111
Глава девятая	127
Глава десятая	141
Глава одиннадцатая	154
Глава двенадцатая	169
Глава тринадцатая	180
Глава четырнадцатая	196
Глава пятнадцатая	215
Глава шестнадцатая	229
Глава семнадцатая	244
Глава восемнадцатая	266
Глава девятнадцатая	276
Глава двадцатая	292
Глава двадцать первая	309
Глава двадцать вторая	323
Глава двадцать третья	336
Глава двадцать четвертая	352
Глава двадцать пятая	369
Глава двадцать шестая	383
Глава двадцать седьмая	399
Эпилог	406

Посвящается Эми Мэй Бакстер

От автора

Действие этого романа частично происходит в 1930-х годах в Германии, за несколько лет до прихода к власти нацистской партии и начала Второй мировой войны в 1939 году. Через несколько месяцев после назначения Гитлера канцлером в начале 1933 года Национал-социалистический союз студентов Германии провозгласил общенациональную «Акцию против негерманского духа». Студенты составили список так называемых негерманских авторов, труды которых обрекались не только на запрещение, но и на показательное сожжение в ритуальных кострах по всей стране. Вечером 10 мая 1933 года в большинстве университетских городов прошли факельные шествия студентов-нацистов, и свыше 25 000 томов книг были преданы огню под речи о необходимом очищении германской культуры и одобрительные возгласы и хлопки тысяч зрителей.

Гитлеровский рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс записал на следующий день в своем дневнике: «Я произнес речь перед

[Берлинской] оперой, на фоне костра, в котором студенты сжигали мерзкие, дрянные книжонки. Я был на высоте. Огромные толпы».

Я постаралась воспроизвести исторический фон этой истории с максимальной точностью, хотя персонажи и события меньшего масштаба, в основном вымышлены. Лишь один реально живший человек появляется в книге, и то ненадолго: сэр Хорас Рамболд, британский дипломат и посол в Германии в 1928–1933 годах. Он прекрасно сознавал опасность, исходившую от Адольфа Гитлера. И свидетельством тому слова, которыми он закончил свой отчет для британского правительства после отъезда: «У меня сложилось впечатление, что люди, определяющие и проводящие политику гитлеровского правительства, ненормальные».

Появление Гитлера в отеле «Кайзерхоф», описанное мной в этой книге, также зиждется на факте. Я прочитала о его визите в «Крови и банкетах», тайном дневнике Бэллы Фромм, опубликованном в 1943 году. Насколько я могу судить, угрозы для жизни Гитлера на тот момент не было, хотя во время другого приезда канцлера в «Кайзерхоф», возможно, имел место заговор с целью его отравления: нескольким членам нацистской партии стало плохо, но сам Гитлер практически не пострадал — по-видимому, благодаря своему вегетарианскому рациону питания. В последующие годы предпринимались и другие попытки покушения на Гитлера; некоторые из них только чудом не задались.

За последние несколько лет число случаев запрещения книг значительно возросло во всем мире. В 2023–

Запрещенные книги в Берлине

2024 учебном году благотворительная организация «PEN America» зафиксировала свыше 10 000 запретов на книги в государственных школах. И каким бы невероятным это ни казалось — учитывая все, что нам известно о прошлом, — но сегодня слышатся призывы не только к запрещению книг, но и к их сожжению. По моему глубокому убеждению, это не тот путь, по которому нам следует идти. Мы видели, куда он приводит.

Пролог

Оксфордшир, ноябрь 1946 г.

Она стоит у окна, смотрит на парк. На другой стороне рва пасутся рыжевато-коричневые олени, вокруг их копыт вьется сероватым дымком туман. Сезон спаривания и брачных игр почти закончился, и самцы только изредка встают на дыбы, чтобы сцепиться рогами с соперником — без особого энтузиазма, словно совершенно не горят желанием утруждать себя поединком. День клонится к вечеру, и небо уже потихоньку темнеет. Сколько раз ты наблюдала эту картину унылым зимним днем, зажатая цепкими и безжалостными тисками страдания?

Почувствовав твое приближение, она оборачивается и одаривает тебя своей прежней ослепительной улыбкой.

— Привет, подруга. Давненько не виделись, да?

Она протягивает тебе руку для пожатия. Вы обмениваетесь вежливыми фразами о погоде и о поездке, предпринятой тобой ради встречи с ней. По негласному соглашению вы обе говорите по-английски.

— Садись, — приглашает она, указывая на кресло у камина. — Должно быть, это кажется немного странным — почувствовать вкус жизни в этой части дома. Я позвоню, и нам через минуту принесут чай, а то тебя от всего этого проймет оторопь. К сожалению, у нас все пошло под гору. Карточная система... Ну, ты понимаешь. Это похуже войны. Если бы не куры и огород, мы бы пропали.

— Мы слышали о том, как здесь трудно, — говоришь ты, присаживаясь на краешек кресла.

Она такая худая! Не стройная и гибкая, как была прежде, а сморщенная, иссохшая, словно поедаемая чем-то изнутри. Ее глаза стали больше, а заострившиеся скулы проступают, как гребни ракушек.

— Спасибо, что приехала, — произносит она. — Я сомневалась, что тебя увижу.

— Ну, конечно, я приехала, — отвечаешь ты. — Разве я могу тебе в чем-либо отказать?

— А это мы еще проверим, — говорит она и опять улыбается.

Поднос с чаем приносит неряшливая горничная в шерстяных чулках, соборенных морщинками, и без чепчика. Смотреть на угощение печально: бутерброды с рыбным паштетом и черствые, посеревшие пышки с кабачковым вареньем, которое еще не остыло.

Она наливает чай и подает одну чашку тебе.

— Так как ты поживаешь? — спрашивает при этом. — Выглядишь отлично. Даже похорошела, чего я не ожидала. А ты, должно быть, находишь меня осунувшейся и истаявшей.

Ты заверяешь ее, что тоже рада вашей встрече. И это правда. Она знает тебя лучше кого бы то ни было в этом

мире. И ее близость пробуждает в твоей памяти воспоминания о былых днях. О тех днях, что были такими светлыми и мучительными — светлее и мучительнее всех, что минули с тех пор.

Она закуривает сигарету, от чего она закашлялась, а дряхлую пекинеску вылезти из корзины возле камина, проковылять и взгромоздиться к ней на колени.

Поглаживая собаку, она говорит:

— Я позвала тебя сюда не просто так. У меня есть к тебе просьба. Мне надо тебе кое-что рассказать, но это может стать для тебя шоком. Готова ли ты выслушать меня?

Она смотрит на тебя с таким выражением на лице, которого ты никогда не видела раньше: молящим, беззащитным, уязвимым.

— Конечно, — отвечаешь ты.

— Обещаешь? — спрашивает она, как маленький ребенок, и ты киваешь.

— Обещаю.

Она начинает рассказ, и мир словно застывает, оцепенелый. Тебе хочется закричать: «Замолчи!», но ты дала ей слово и обязана выслушать. А она все говорит и говорит, и ее голос сочится, как кислота, выедавая себе путь к твоему сердцу.

Глава первая

Берлин, июнь 1930 г.

Их ожидание растянулось в вечность. Квартира застыла в неподвижности и тишине; только шторы колыхались и вздымались под дуновением ветра, как корабельные паруса. Открыв окно, чтобы впустить в комнату немного свежего воздуха, Фрея поразилась резкому, сладковатому аромату цветущих лип. Удивительно, но внешний мир по-прежнему существовал! А она и не замечала этого — всецело сосредоточенная на затрудненном дыхании и сдавленных столах матери. Ингрид ворочалась и беспокойно металась в постели уже несколько дней, настолько долгих, что дни казались неделями. А всего в нескольких улицах от них река Шпрее спокойно и уверенно текла к центру Берлина, мимо здания Рейхстага и дальше, через парк Тиргартен, к великолепному дворцу Шарлоттенбург, прежде чем устремиться за город, в сельские просторы, и донести свои воды до моря. А люди, жившие в городе, поднимали свои лица, чтобы вдохнуть полной грудью пьянящий аромат и насла-

даться преходящими летними деньками, пятнистым солнечным светом, пробивавшемся сквозь сердцевидные листья, и пчелами, жужжавшими над клейкими желтыми цветками.

«Выйди на улицу, к нам», — зашелестев ветвями, позвали деревья Фрею, и она на миг прикрыла глаза, застыв у окна гостиной со скрещенными на груди руками.

Ее назвали Фреей в честь богини любви и правды, обитавшей в липовых кронах. «Ты никогда не сможешь солгать, стоя под липой», — не раз повторяла ей мать. И вот теперь Фрея наконец вынужденно признала: та история, которой она тешила себя месяцами — о том, что Ингрид поправится и их семья сохранится (изможденная, но уцелевшая в полном составе) — была лишь плодом надежды, принятием желаемого за действительное. В тот день им позвонил доктор. И предупредил, что фрау Амзель осталось недолго. Ее время пришло, и Фрея вдруг осознала: ей уже никогда не суждено вдохнуть запах лип с невинным удовольствием. Мать в последние часы приутихла: лошадиная доза морфина увлекла ее надолго в сонное беспамятство, лишь изредка прерывавшееся прояснением сознания. А интервалы между ее прерывистыми вдохами так удлинились, что Фрея не раз наклонялась к ней со стула у кровати и под бешеный стук перепуганного сердца не сводила глаз с материнской груди — ожидая, когда она хоть чуть-чуть приподнимется. Ей невыносима была мысль о кончине Ингрид и вместе с тем хотелось, чтобы эта пытка закончилась. Мать слишком долго страдала и мучилась, она заслужила упокоения.

И сейчас Фрея, стоя у окна гостиной, ждала, а у постели Ингрид в ее спальне сидел Отто. Наверное, про-

щался с ней, хотя представить это было трудно. От волнения Отто стал сам не свой. Вдохнув еще раз ароматный воздух, Фрея снова закрыла глаза. И простояла так, продлевая момент, до тех пор, пока ее не заставил обернуться скрип открывшейся двери спальни.

— Она хочет видеть тебя, — пробормотал Отто и с опущенными глазами, избегая вопрошающего взгляда Фреи, прошагал мимо.

Будь их отношения другими, она, возможно, попыталась бы утешить его. А так... ее сочувствие лишь возмутило бы Отто. Ей позволялось заплакать, потому что она была девушкой и на два года младше. Но допустить, чтобы его посчитали слабым и ранимым, Отто не мог. Силу — вот что он ценил: способность выдержать град ударов и опять пойти вперед. Фрея восхищалась своим братом и, наверное, так же любила его. Но в то же время слегка побанувалась. Поэтому лишь слабо кивнула, притворившись, будто не заметила его расстройств. За последние несколько недель вся их семья привыкла притворяться. Если бы они признали и приняли вероятность того, что матери не поправиться, они, возможно, проводили бы гораздо больше времени за разговорами с ней (пока Ингрид могла говорить), разделяли бы свои чувства и эмоции, которые были чересчур тягостными, чтобы выносить их в одиночку, и строили планы на будущее. Но момент для этого был упущен, и теперь им осталось пройти по незнакомой стезе в молчании и в одиночку, в меру собственных сил.

Те несколько шагов, что прошла Фрея до постели матери, показались ей бесконечными. Ноги вдруг ослабели и стали подкашиваться, а влажные ладони пришло вытереть о заношенное платье с уже затхлым

душком (она ходила в нем последние три дня). Ингрид лежала в кровати — на подложенных подушках, с закрытыми глазами. От нее уже не пахло чистым бельем, свежим хлебом или теплыми пряными булочками, только что вынутыми из духовки; теперь от нее исходил неприятный запах дезинфекции и прелых простыней. Мать уже пребывала в пограничье между жизнью и смертью.

— Моя милая девочка, — пробормотала она, приоткрыв глаза и поглаживая волосы Фрея. — Мое маленькое сокровище. Сколько радости ты... мне... приносила...

Каждое слово давалось Ингрид с усилием.

— Я люблю тебя, мамочка...

До чего же банально прозвучали эти слова! Хотя какое это имело значение? Они с матерью всегда были близки, всегда улавливали настроение друг друга, находились на одной волне. Ингрид не могла не понимать, что сейчас чувствовала ее дочь. И лгать и притворяться нужды не было. Кроме них здесь никого больше не было, а их сердца бились в такт.

— Мне будет недоставать тебя, мама... очень сильно, — выдавила Фрея, хотя не собиралась ничего говорить.

Ингрид вздохнула.

— Мне жаль, любимая. Но ты...

Голос матери заглох, взгляд устремился к стакану с водой на прикроватной тумбочке.

Фрея помогла ей отпить глоток, мгновенно вызвавший приступ кашля и лишивший и без того измученную Ингрид последних сил. Вновь откинувшись на подушки, она позволила дочери, опустившейся на колени подле кровати, вытереть лицо салфеткой с лавандовым ароматом.

Какое-то время они безмолвствовали. Фрея даже подумала, что мать заснула. Как вдруг Ингрид резко распахнула веки и вперила в ее глаза пристальный взгляд. Что она хотела в них увидеть? О чем думала? Страхнулась ли того, что неминуемо должно было случиться?

Несколько секунд они смотрели друг на друга молча, а потом Ингрид пробормотала:

— Ты должна быть... сильной.

— Конечно. — Фрея сжала исхудавшую, холодную руку матери. — Не тревожься за нас. Я присмотрю за Отто и папой.

— Нет! — Борясь за каждый вдох, Ингрид попыталась присесть, но в бессилии рухнула на подушки. — Ты должна... уехать отсюда. Найти себя, свое призвание и... следовать ему. Не зная, как отреагировать, Фрея не сказала ни слова. — Пообещай мне! — потребовала мать, так сильно стиснув пальцы дочери, что Фрея невольно поморщилась.

— Я обещаю, — поспешила ответить она.

Ингрид кивнула, закрыла глаза и отвернула лицо в сторону.

— Приведи Эрнста, — прошептала она так тихо, что Фрея едва расслышала просьбу.

— Да, конечно.

Поцеловав Ингрид в щеку, она помедлила уходить, но мать приподняла руку в безошибочном жесте прощания.

Фрея приоткрыла рот, чтобы заговорить, но слов не нашлось. Да и что еще можно было сказать в такую минуту? Ее взор затуманили слезы. Еле добредя до двери, Фрея на свинцовых ногах пересекла квартиру и, схватив с крючка шаль, выскользнула из дома.

А там застыла на мгновение недвижно, обводя взглядом улицу. Стычки и драки между враждующими группировками — нацистов и коммунистов, ненавидевших друг друга, ветеранов войны из Рейхсбаннера, ненавидевших, казалось, всех поголовно, и местных бандитов, искавших любой повод, чтобы свести с кем-то старые счеты — случались в их районе постоянно. В них с заметным удовольствием вмешивались полицейские, вооруженные резиновыми дубинками и автоматами, которые они готовы были применить против всякого, кого угораздило проходить в такой момент мимо. На перекрестках уже начали собираться проститутки, а в барах, работавших до поздней ночи, дружно зажигались светильники. Фрея потеряла счет времени, но магазины уже закрылись, их окна защищали прочные ставни. Отец, должно быть, пил в одном из кабаков. В эти дни он практически не бывал дома. Фрея понимала, почему он его избегал: сносить страдания Ингрид было тяжело всем, не только ее мужу. Эрнст по натуре был угрюм и неразговорчив, но Фрея никогда не сомневалась в преданности родителей друг другу.

Ей не пришлось обходить все питейные заведения в округе. Она нашла отца в третьем баре — сидевшим в дальнем конце зала, в темном углу и смотревшим в пустую пивную кружку. С плечами, поникшими в приливе отчаяния. На несколько секунд девушка замерла на месте — оглядывая отца, как совершенно незнакомого человека. На его голове была нахлобучена кепка, и он даже не удосужился сменить свой рабочий комбинезон, заляпанный краской. Последние семь лет, с тех пор как он вынужден был закрыть свой магазинчик красок и обоев, отец работал (когда подворачивалась работа)

маляр — типичная жертва этого страшного времени, когда людям не хватало денег даже на еду, и почти никто не мог себе позволить ремонт жилища. Страна, вынужденная после поражения в войне выплачивать огромные суммы союзникам по Антанте, изнывала под бременем долгов. Цены с каждым днем взлетали все выше, пока марка вконец не обесценилась. Деньги, что годами старательно копил Эрнст, превратились в ничто. Власти выпускали в оборот все более крупные банкноты — сначала в миллион марок, потом в миллиард. Наличными, необходимыми для покупки буханки хлеба, можно было наполнить тачку.

Единственным способом разговорить Эрнста было упоминание Версальского договора, подписанного в конце войны. Но это было чревато лекцией. Суть ее сводилась к одному: Германии уже никогда не оправиться; Америка и остальные страны Европы обескровливали ее, богаче за счет честных, трудившихся в поте лица немецких работяг, и посмеиваясь при этом за их спинами.

В памяти Фрей еще не стерлись более ранние воспоминания об отце. О том, как он стоял за кассой своего магазина в рубашке с галстуком и белой куртке без единого пятнышка. Как указывал помощникам на стремянках, какие банки с краской или рулоны обоев снимать с полок. Как давал верные советы покупателям и осчастливливал их скидками перед тем, как пробить чек на покупку и пополнить их банкнотами кассу с уже внушительной суммой наличных. Тот человек и Эрнст-маляр были двумя разными людьми. Утрата собственного бизнеса стала для отца ударом, от которого, похоже, он так и не смог оправиться. А теперь ему предстояло потерять жену. Сердце Фрей разрывалось от жалости к отцу.